

Война - незаживающая рана

Из воспоминаний
Ольги Васильевны
Чуковой

В обработке
библиотекаря Выскатской сельской
библиотеки Ларионовой Л.Г.

2015 г.

Разрешение на публикацию

рукописных воспоминаний моей
сестры Чуковой (Орловой) Ольги Васильевны (1937 – 2010 гг.)
в любых печатных источниках (газеты, брошюры, сборники)

Я, Заугольникова (Орлова) Олимпиада Васильевна (1940 г.р.),
родная сестра Чуковой Ольги Васильевны, не возражаю против
публикаций воспоминаний моей сестры.

7 апреля 2016 г.

(Заугольникова О.В.)

О семье

Мои родители до войны жили в д. Мельничище Выскатского сельского Совета Сланцевского района. Мой отец, Орлов Василий Степанович, родился в деревне Мельничище в 1900 году. Мама, Анна Андреевна, родилась в 1904 году в деревне Ельно на берегу реки Плюссы. Поженились они в 1925 году.

Вот на родине моего отца родились и мы, их дети.

Нас было 10 детей. Мама наша награждена медалью «Материнская Слава 2-ой степени» и «Золотой звездой».

Дети рождались через каждые два года:

1. Сима 1928 (умерла в 1990)
2. Люся 1930 (умерла 1989)
3. Зоя 1932 (г. Гатчина)
4. Павел 1935 (умер в 2006 г.)
5. Ольга 1937 (д. Выскатка)
6. Алимпиада 1940 (д. Борки)
7. Коля 1942 (д. Выскатка)
8. Таня 1943 (г. Ленинград)
9. Юля 1947 (г. Петрозаводск, Карелия)
10. Саша 1950 ----- *-----

О себе

Я родилась в деревне Мельничище. Детство хорошо помню, но оно с приходом немцев оборвалось. Впервые я увидела их в 1942 году. Они мне запомнились крупными, вооруженными до зубов. Одним внешним видом они нагоняли страх. Окружив деревню кольцом, немцы согнали людей и приказали давать им еду по первому требованию, а за отказ - расстрел. Обосновавшись в Сланцах, они по деревням ездили на мотоциклах собирать дань. Раз в неделю жители по очереди пекли хлеб для них. Сжатую рожь молотили вручную, мололи на жерновах и пекли хлеб.

Все это забирали немцы. А по ночам приходили партизаны: им тоже нужны были и хлеб, и другие продукты. Мы жили между двух огней.

2008 год.

Пока свежа еще память о войне, я решила написать свои воспоминания для потомков...

Военные годы были очень тяжелыми для всего народа, а особенно для женщин и детей. Мы, дети войны, не по возрасту стали взрослыми, очень рано познали труд. Сейчас я опишу нашу жизнь в лесу, в окопах. Лишившись всего, что было у нас до войны, мы жили в лесу без удобств: не было даже воды, туалета и всего, чем живут люди. Особенно плохо было зимой. Речка Кушелка почти до дна промерзала, поэтому приходилось возить на саночках снег с края леса и растапливать его для еды и других нужд. Я помню, что возили мы снег с сестрой Люсей. Она была старше меня на пять лет. И эту работу мы выполняли каждый день.

В годы войны зимы были морозными, иногда морозы доходили до -30* С. Снег рубили брикетами.

В землянке печь топили почти целый день и только на ночь гасили ее. Вместо лампы использовали лучины, но они коптели. Лучины делали днем, сушили у печи, чтобы лучше горели. Долгими были вечера.

Мы вечерами слушали рассказы взрослых о войне, да и вообще, нам было интересно знать, что делалось в округе. Ребята постарше нас ходили в разведку и приносили новости.

Когда мы обосновались в лесу, к нам по осени пришли некоторые животные: была у нас корова, коза, две куры и петух, а конь был подвешен на суку ели, ибо на ногах он не мог стоять. Хороших лошадей забрали немцы, а его, бедолагу, не взяли. Корма было мало, поэтому нас часто посылали собирать осоку вдоль реки Кушелки. Мы брали мешки с серпами, и старшие сестры сжинали осоку. Делали запасы этого корма, но его не хватало, приходилось еще и лапник приносить. Когда были большие морозы, кур и петуха приносили в землянку.

В землянке отец установил жернова, на которых мололи фураж.

Спали все на нарах, застланных лапником. Взрослые спали внизу, а ребяташки на верхних нарах. Лапником был устлан и пол, его меняли каждую неделю, так как лапник высыхал и кололся.

В зиму с 43-го на 44-й год у нас уже было 19 человек: 10 человек составляла наша семья и 9 человек беженцев.

Случай с партизанами

Леса раньше были густыми, водились даже медведи. Немцы боялись наших лесов, а особенно партизан в лесу. Они всегда ходили большими группами, до тридцати солдат, и в сопровождении двух танков.

В начале войны у партизан была одна винтовка на 5-6 человек. Поэтому они не делали прямых встреч с немцами, вооруженными до зубов, а по ночам вели диверсионные дела: подпиливали мосты, рыли противотанковые рвы, ставили надолбы. Но этого было недостаточно, немцев нельзя было остановить никакими средствами.

Я помню случай: были подпилены партизанами сваи на мосту через реку Кушелка. Спустя некоторое время, по мосту поехали два немецких танка. Первый танк прошел, а второй угодил в реку.

Немцы согноли жителей деревни Строки и сказали, что, если танк через час не вытащат, они будут расстреливать по одному человеку через каждые полчаса. Люди собрали здоровых лошадей и стали вытаскивать танк. Когда танк вытащили из речки, каждой лошади в награду было выдано по четыре буханки хлеба, датированные 1939 годом.

Людям из деревни пригрозили, чтобы такое не повторялось... То есть за любую связь с партизанами – расстрел.

Как жили в землянке

Еще я хочу рассказать чуть подробнее о жизни в землянке. К концу зимы наш конь Томик пошел на поправку, и это нас радовало. Корова была привязана к елке, и было сделано укрытие из лапника. Остальные животные были поблизости. В эту морозную зиму повадились по ночам ходить волки, которых приманивал скот. Отец и двое парнишек-беженцев по очереди сторожили скот. У отца было ружье, заряженное дробью.

Однажды, под утро, отец уже собрался идти в землянку, как вдруг появились два волка. Один из них схватил козу и перекинул себе на спину, другой волк ему помогал. И тут, как сирена, послышался голос козы. Отец выстрелил из ружья, волки бросили козу и убежали. Напуганные выстрелом, они больше не появлялись. Тогда был установлен отцом капкан, и это как-то успокаивало нас. А под конец зимы в капкан угодила лиса, но она вырвалась из капкана и ушла в лес, оставив на снегу кусочки кожи, шерсти и кровь.

Когда были сожжены деревни, люди, которые остались без крова, делали себе жилище в лесу. В основном это были женщины, дети да подростки 15-16 лет. Каждая деревня селилась в лесу недалеко от сожженных деревень. Жители деревни

Мельничище сделали землянку вблизи реки Кушелки. Борковские вырыли окопы в Щучкинском лесу, тоже возле Кушелки.

Грядки в лесу

Шла война. Немцы свирепствовали. Мы жили в землянке. Летом кормились ягодами, грибами, травами. С наступлением осени с едой стало хуже. Мама решила на поляне сделать грядки и вырастить лук, редис и другую зелень, даже была грядка огурцов.

Когда закончилась война, и мы уехали из леса, я вспоминала мамины грядки. В одно лето мы с мамой решили навестить наш «огород». Мы были удивлены тем, что наши грядки заросли травой, а на одной из них мы нашли два подосиновика. Я спросила у мамы, почему выросли грибы. И мама мне сказала, что это споры грибов упали и прижились. С тех пор я каждую осень ходила на наши грядки и находила на них грибы.

А теперь этот лес выпилен и обезображен, а где были грядки, там валяются спиленные деревья. Я с тоской вспоминаю наши грядки и думаю, как быстро пролетело время, и лишь остались приятные воспоминания о тех местах...

Нынче я тоже ходила туда, хотя грибов я не нашла, зато очень огорчилась тем, что увидела: наши грядки вдоль и поперек истоптаны гусеницами тракторов, тех, что вывозили лес.

Дом сожгли

А еще я помню 43- год, когда немцы сжигали наши деревни и угоняли людей и скот. Сначала сожгли деревню Строки, что находилась в полукилометре от Мельничища.

Приехали немцы на мотоциклах, принялись выгонять скот из дворов и сразу поджигать постройки. Наша баня была покрыта соломой. Немец вытащил несколько прядей соломы и поджег. Баня мгновенно задымилась. А мама нам, ребяташкам, сказала, чтобы по дыму бежали в лес, в сторону наших шалашей. Сама же с грудным ребенком осталась у дома. Дом тоже горел внутри. Вдруг подошел молодой немец и сказал: «Мама, гаси, а дети nach Haus».

Мама взяла в передник земли и начала гасить огонь в доме, но тут возник другой немец и замахнулся на маму автоматом. Мама выбежала из дома и тоже по дыму побежала в сторону леса. Остальные дома уже полыхали в огне.

Немцы очень торопились, и поэтому наш дом не сгорел совсем, а лишь обгорел местами. Сгорел пол да погибли от дыма цветы, что находились в доме. А совсем сгорел он позже, когда немцы пришли опять в декабре месяце. На этот раз они целый день жарили и парили, а под вечер дом сожгли и уехали. С собой забрали нашего пса Буяна, который был в неволе 3 месяца.

В день, когда полыхали дома, горел наш двор, где содержали скот. Корова была угнана, а во дворе оставался бычок годовалый Яшка. Стены двора были из камня, лишь крыша была соломенной. Немцы побоялись отвязать быка, а когда загорелась крыша, Яшка начал мычать. Огонь достиг его, он обгорел и задохнулся в дыму. Когда немцы ушли из деревни, вечером мы вошли во двор: на полу лежал обгоревший бычок, а на его шее болталась цепь.

Наши животные

На следующий день мы пришли вместе со взрослыми снова во двор. Тушу бычка разделали. Мясо пахивало дымом, но все равно мы его нарезали, и оно нам пригодилось для еды.

Несколько гусей тоже сгорели во дворе, а те, которым удалось выбежать, плавали в ручье. Курочки и петух вылетели со двора и сидели на суку черемухи. Потом они зимовали с нами в лесу.

Был у нас кот Васька. Мы его забыли забрать в лес, но он сам пришел в землянку и жил с нами очень долго.

Как добывали еду

А еще я опишу, как добывали еду. С приходом весны оживала не только природа, но и люди. Как только появлялась в лесу заячья капуста, мы с утра уходили в лес и, ползая по земле, собирали ее на щи. На межах появлялись крепкие зелененькие хвощи, их мы собирали и ели на месте. Набив желудки хвощом, начинали собирать его для еды дома. Мама варила хвощ и заправляла какой-нибудь крупой, получался суп.

С удовольствием ели хвощ и корова, и коза. Еще для коровы мы собирали траву на берегу реки Кушелки.

Козе надо было каждый день набирать веник ивняка. Куры и петух корм находили сами.

Потом начинали поспевать ягоды и грибы. Вот тут-то нам было хорошо. Леса были богаты ягодами и грибами. Когда поспевала черемуха, мы сидели на ней и клевали, как дрозды. За клюквой не надо было ходить далеко, она росла на берегах реки. Рябину тоже заготавливали на зиму.

Вот так мы и выжили, благодаря живым витаминам. Сейчас нет такого леса. Лежат деревья спиленные, как солдаты после битвы...Странная картина!!!

Рыбы тоже было много в речке. Уху варили каждый день. У нас был сак для ловли рыбы и раков. Раков в ручье было так много, что их даже ловили руками по норам. Зимой, конечно, улов был невелик.

Ставили в прорубь крючки с наживкой. Иногда на наживку попадалась даже щука. Если попадал налим с икрой, тогда получалась чудесная уха.

Все съестное, что можно было найти в лесу, несли на стол. Но нельзя было оставлять следов на снегу. Почти каждый день пролетал самолет-разведчик, а в лес немцы не совались, боялись партизан.

В теплое время года мы выходили из леса на межи, чтобы собрать хвощ и щавель.

Нам мама говорила: «Если услышите звук самолета, свернитесь комочком и не двигайтесь. А когда самолет пролетит, вы снова собирайте траву». Часто мы убегали в деревню: нам интересно было порыться на пепелище и найти что-нибудь несгоревшее. Один раз, порывшись в подвале, мы нашли немного картошки, чудом уцелевшей в углу. Вечером был настоящий праздник, и нам досталось по полной картофелине. Часто на деревьях находили запасы белок: грибы и ягоды. Но все равно, чувство голода невозможно было унять, постоянно хотелось есть.

Убили женщину

В августе 1943 г. немцы подожгли деревню Строки. Гнали скот и людей в сторону деревни Мельничище. Через пролесок мы увидели пламя, горели дома. На подводах ехали женщины с маленькими детьми.

Ольгу Панкратьевну из деревни Строки немец заколол штыком. Она вышла из дома с небольшим чемоданчиком. Видимо, у нее в нем хранилось золото и драгоценности. А немец захотел завладеть этим чемоданчиком.

Подростки – беженцы слышали крики и стоны этой женщины, потом нашли ее в канаве в луже крови без признаков жизни. Ребята и наш отец похоронили ее на бугорке у реки Кушелки. За могилкой долгое время ухаживал ее племянник Володя, он жил в Малафьевке. Потом бугорок исчез, а на его месте появилось кострище рыбаков. Когда я появляюсь в этих местах, постою под сосной и вспомню ее живой.

Пусть земля будет для нее пухом. Аминь.

История котелка

Шел 44 год. 2 февраля был освобожден город Сланцы. На освобожденную территорию стали прибывать госпитали из Ленинграда и области. Это были раненные солдаты, которые нуждались в отдыхе после ранений. У нас тоже был госпиталь. А жили они: кто в палатках, а кто в землянках, вновь вырытых.

Вот я хочу рассказать, как мы ходили к ним «в гости». Возможно, нас впервые послали родители к солдатам, ведь их кормили хорошо.

Я была маленькая ростом, и меня не хотели брать с собой, но я увязалась за старшим братом Пашей.

Брат взял бидон, а мне нечего было взять. Когда проходили мимо сожженного дома, я увидела обгоревшую чашку и вымыла ее. Пришли к кухне, пахло вкусным обедом. Нас заметили бойцы и подвели к повару. Повар взял у брата бидончик и налил ему супа. Дошла очередь до меня, и он спросил: «Чего тебе: каши или супа?» Увидев у меня в руках обгорелую чашку, он сказал бойцу: «Эй, Прохор, неси мой котелок, хотел сыну подарить, да вот такой случай...» Он положил мне в котелок каши и сказал: «Каша не выльется, вот и ходи с этим котелком».

Мы принесли обед в землянку. Мама вылила суп фасолевым и мою пшеничную кашу в чугуны и добавила воды. Получилась еда на всех 10 человек.

Так мы ходили в гости каждый день и приносили еду. Через две недели снялся госпиталь, и уехали наши кормильцы. На месте кухни походной, на пенке, были оставлены гостинцы: буханка хлеба, галеты, чай и соль. А этот котелок с дырочкой у меня хранится до сих пор. Я его недавно нашла, когда разбирали баню, вспомнила его историю, и мне захотелось рассказать, как он попал ко мне.

Освобождение

Когда освободили Сланцевский район от захватчиков (2.02. 1944), нужно было думать о новой жизни и о восстановлении всего разрушенного и сожженного.

Потянулись люди в свои деревни, нужно было начинать жизнь с нуля. Сохранились кое-где бани и погреба. В банях можно было жить.

Наш отец с двумя подростками – беженцами начали строить жилье в деревне. Сохранился один сруб. Поставили стропила, покрыли крышу, сделали пол, потолок. Нашелся печник, который смог сложить русскую печь. Мы все перешли жить в этот дом. По сравнению с землянкой, он казался нам дворцом.

Сделали козлы, настелили досок, набили соломой матрасы, и получились кровати. Нас было много, и пришлось ставить пять кроватей, хотя спали по два - три человека на одной кровати. В тепле нам жизнь казалась раем.

Весна 44 года вступала в свои права. Хлеб, что находился в скирдах, был весь обмолочен, отсортирован и ждал, когда его бросят в землю. Лошадей не было, а пахать надо было срочно. Влага уходила. Вот тут-то и пригодились детские руки. С утра уходили в поле и копали лопатами.

Я помню первую полоску земли, которую мы перекопали и засеяли, а надо было перекапывать дальше.

Отец попробовал запрягать корову, чтобы на ней пахать, но на первой борозде корова упала и дальше не пошла. Пришлось в плуг впрягаться женщинам и подросткам. Возле дома делали грядки, сажали овощи.

Потом откуда-то появилась пара лошадей, отец на них пахал землю. За день он перепаживал до 50 соток земли, хотя лошади были очень слабы, и сам он еле ноги передвигал. Лето быстро пролетело. Осенью наше поле дало неплохой урожай. Картошку выкопали рано, так как нечего было есть. Собранного урожая хватило до половины зимы 1945 года.

Ветеран финской войны

Мой отец, Орлов Василий Степанович 1900 года рождения, воевал в финскую кампанию и был ранен в правую руку, поэтому он был на «брони» (не был на войне 1941 – 1945 г.г.)

Отец был кузнецом на всю округу. Приходили со всех деревень люди и просили его сделать предметы домашнего обихода. За работу платили продуктами. Это и спасло нас от неминуемого голода. Но главной кормилицей была корова.

С раннего детства мы знали и умели делать все: пилили дрова, кололи их. Девятилетний брат Паша умел пахать, управлять лошадью. Пока родители были на работе до позднего вечера, мы управлялись по дому. Вся работа была распределена: кто-то пилил дрова, кто-то носил воду, кто-то варил ужин. Старшие сестры (Люся 14 лет и Зоя 12 лет) ухаживали за малышами. Им мама доверяла сестер и брата Колю (1942 г.р.).

Сестре Симе было 16 лет, поэтому ее и других девушек посылали рыть окопы. Один раз ее засыпало землей и осколком ранило руку, тогда ее отправили домой. Отец после работы занимался стройкой двора для скотины. У нас уже к этому времени были конь, корова, коза, несколько кур, кот Васька и собака Буян, который возвратился из плена.

В доме еще не было света. Вечерами по-прежнему сидели с коптилкой. Приходили люди посидеть, поговорить. Все ждали хороших вестей с фронта. Ведь в каждой семье кто-нибудь воевал. Когда приходили письма, их перечитывали по нескольку раз.

Из более поздних записей о весне 1944 года.

Пишу, что помню.

Было голодно. Наша семья перебивалась кое-как: не было ни хлеба, ни картошки. Мама несколько раз ходила в другие деревни, которые меньше пострадали от войны. Это были деревни за Новосельем: Хрель и Шавково. Мама ходила и просила поделиться хлебом и другими продуктами. Народ был готов помочь, давали хлеба и картошки, делились всем, чем могли. А когда мама возвращалась с продуктами, то у нас был праздник, все казалось таким вкусным. Мама так ходила раза четыре.

Однажды с ней увязались два мальчика – беженцы, Петя и Гена. Они жили в нашей деревне. Детям тоже давали еду. И вот в один день, набрав кусочков хлеба, они возвращались домой. Пригрело весеннее солнышко, и они, устав, решили отдохнуть на меже возле камней. Но только домой они не пришли, умерли от голода. Когда их нашли, то в котомке лежало несколько кусочков хлеба. А дома их ждала семья из 6 человек. Похоронили их на Выскатском кладбище. Теперь в оградке покоится 6 человек, все они умерли в разное время, а фамилия им была Щацкие.

Пишу о лете – осени 1944 года.

Посеянные семена дали неплохой урожай. Мы, ребяташки, ходили по полю, собирали колоски, а потом делили между собой поровну.

Турнепс вырос на диво крупный, каждая штука 3-4 кг. Мы его ели сами и, нарубив, давали скоту. Картошку копали в сентябре, сразу отбирали на семена. На трудодни, заработанные всей семьей, мы получали зерно. В общей сложности выходило около 5 мешков. Мололи зерно на жерновах (отцом жернова были установлены в коридоре). Приходили к нам молотить зерно соседи.

Наш дом уже почти был готов. Можно было обжиться. По сравнению с землянкой, нам он казался дворцом. Были вставлены рамы из кусочков стекол. Но уже к осени, когда начались холода, приходилось топить чугунок почти весь день.

Мне уже исполнилось 1 августа 7 лет, но меня в школу не пустили, ибо нечего было одеть. У нас в семье уже было четверо школьников. Вот я учила азбуку и училась считать у брата Павла или у сестер. Писала я даже письма в Петродворец маминым сестрам.

К концу лета к нам в колхоз откуда-то привезли 5 лошадей и 25 коров. Колхоз начал обжиться своей скотиной. Для них соорудили временный двор, нашлись и доярки. Всем нашлась работа, ждали возвращения людей, которых угнали немцы...

Но жить людям было негде. Брали ссуду на строительство домов. Так в Борках появилось 17 домов, которые и сейчас стоят. Наша семья тоже брала ссуду на постройку дома. В 1957 году мы переехали из Мельничца в Борки.

Дом в основном строил отец. Иногда помогали мужчины из деревни: Егор Муравьев, Василий Вересов, Петр Елисеев и другие. Все в доме сделано руками отца, добротой и навечно.

.....

Дальше идет описание семей братьев и сестер. И это последняя запись в книге воспоминаний.

Конец войне

Зима 1945 года прошла очень быстро. Все уже ждали конца войны. Немцы были за пределами Советского Союза. Наши войска освобождали земли других стран: Польши, Чехии, Болгарии, Румынии.

Готовились к посевной. Откуда-то привезли четыре мешка зерна. Все это зерно нужно было перебрать, чтобы выбрать семена сорняков. Каждый вечер мы занимались этой работой. В апреле месяце стали готовить землю для сева. Сев доверяли только взрослым, чтобы ни одно зерно не пропало.

Весной 1945 года стали приходиться похороны. Погиб на войне и наш дядя, Илья Степанович, оставив на жену и четырех детей.

Весть об окончании войны нам принес мужчина в военной форме. Он прискакал на лошади и сказал, что собирают всех жителей в Выскатке.

Мы быстро побросали все дела и ринулись в Выскатку. Был включен громкоговоритель, и мы узнали радостную вест: конец войне!

Люди обнимались, плакали. А потом появилась гармошка, и пошло веселье. Домой пришли радостные и рассказывали всем о празднике, о Победе.

На следующий день подъехала машина, и стали раздавать подарки. В основном это были продукты питания: буханки хлеба, тушенка, конфеты и концентраты супов, киселей и чаев. Нам тоже дали гостинцы. Папа принес буханку хлеба, 4 банки тушенки и головку сахара. За долгие месяцы войны мы впервые пили чай с сахаром.

В этой же книге подруга Ольги Васильевны Гайнанова Дина Анваровна сделала следующую запись:

4.02.11 г.

31 января, во вторник после 19 часов умерла Ольга Васильевна. Откуда я знаю? Она всегда вела записи своего состояния (т. е. здоровья) и еще бухгалтерский учет. Последняя запись была в 19 часов. А после 15 часов я к ней забежала, она была в хорошем настроении. Когда пришла соседка, тетя Валя Андреева, я ушла. Накануне вечером Люба Коваль сделала ей стрижку, а утром она покрасила себе волосы, в общем, она особо ни на что не жаловалась.

В 22 часа мы с Ириной Васильевной (женой брата Коли) отправили ее тело в морг. Затем оповестили всех родственников. Кроме внучки, никто не смог приехать (единственная дочь Алевтина умерла раньше Ольги Васильевны).

Ольгу Васильевну похоронили на Выскатском кладбище.

Краткая биография

Чукова Ольга Васильевна родилась 1 августа 1937 года. Ее дошкольные годы совпали с годами немецкой оккупации нашей Сланцевской земли и оставили много неизгладимых воспоминаний. Ольга Васильевна пошла в школу в 8 лет. К этому времени она умела уже читать и писать. Первой учительницей у нее была Круглова Зинаида Ефимовна, а позже Евдокимова Лидия Константиновна.

В 1953 году закончила семилетку и поступила на заочное отделение в Сестрорецкое педучилище. Работала сначала няней, а затем воспитателем в детском саду в Лучках. Там же вышла замуж.

Позже она поступила в Сланцевский индустриальный техникум и защитила диплом по специальности техник-технолог керамики.

В 1978 году они с мужем переехали в Выскатку.

В Выскатке она работала оператором котельной, лаборантом на очистных сооружениях.

У Ольги Васильевны была одна дочь, Алевтина, и две внучки, Яна и Ксения. Внучку Яну воспитывала и учила Ольга Васильевна. Яна получила высшее образование и живет в Сосновом Бору. Внучка Ксения живет в Мурманске.

Ольга Васильевна много лет участвовала в художественной самодеятельности и вела кружок рукоделия. Кроме того, она была членом клуба «Еще не вечер» при Выскатской сельской библиотеке.

(Перепечатала материал с рукописной книги, которая хранится у Гайнановой Дины Анваровны, библиотекарь Выскатской сельской библиотеки Ларионова Л.Г.)

Добрая соседка

Ольга Васильевна Чукова была моей соседкой. Мы прожили с ней на одной площадке 32 года. Она много рассказывала о себе, о своей семье. Родила ее мама в поле, когда жала рожь. Выросла она в семье, где вместе с нею было десять детей. Совсем маленькая уже помогала родителям, даже приходилось молотить рожь на жерновах. Работали все дети очень много, но никто никогда не жаловался.

Она прекрасно знала местные леса, любила ходить за ягодами и грибами.

А еще она любила, чтобы вокруг было красиво. Она не только сама сделала ремонт в подъезде, но и украсила его цветными полосами вдоль стен и под перилами.

В свободное время она занималась вышивкой и другим рукоделием. Свои работы дарила друзьям, соседям и школьному музею.

Ольга Васильевна хорошо знала и понимала детей. Она их приучала к ручному труду, вместе с ними рисовала, занималась аппликацией.

Ольга Васильевна никогда не жаловалась на жизнь, не боялась никакой работы, все делала с радостью и удовольствием.

Много лет пела в хоре русской песни, вместе с коллективом ездила на все смотры, конкурсы и концерты. Моя соседка всегда была в хорошем настроении и умела поддержать нас в трудную минуту. А еще она выращивала цветы под окнами нашего многоквартирного дома.

Прей Ирина Владимировна